

Под маской Пьеро

Свердловская музкомедия открыла 94-й сезон премьерой «Вертинского»

Ирина КЛЕПИКОВА

Вопреки традиции, когда для истосковавшихся театралов «занавес сезона» распаивается на Большой, основной сцене, Свердловская музкомедия открыла 94-й сезон на Малой. Понятно: ремонт. Но изменившаяся «стартовая логистика» только подогрела интерес зрителей. Тем более что заглавный герой премьеры – феномен и загадка российской культуры, кумир эстрады первой половины XX века Александр ВЕРТИНСКИЙ. Для многих он – кумир-загадка и сегодня. А потому билеты на «Вертинского» раскуплены намного вперед.

Он был уникал. С его песнями-новеллами. С рафинированной интонацией Серебряного века. С его гласирующим «р», которое *Станиславский* считал дефектом и не принял Вертинского в Московский художественный театр, а это стало узнаваемой, полюбившейся краской артиста. Наконец, он был исключителен в своем образе Пьеро. Позаимствовав образ у *Блока*, он присвоил его настолько, что автором всех песен-новелл вроде и был уже этот «наивный восторженный страдалец». Или – «печальный шут». Ведь у Вертинского были маски белого и черного Пьеро... Всё это настолько самобытно и оригинально, что пытаться повторить-воспроизвести – колоссальный риск. И все-таки театр рискнул.

Песни-новеллы и шарм Серебряного века

«Вертинский» вобрал в себя три составляющие: поэт, композитор, артист. Ему не нужна была труппа, он один на сцене. И очень многое в судьбе Вертинского, его стиле исполнения повлияло на русскую культуру второй половины XX века. Я полюбил Вертинского еще лет в десять, когда послушал его на кассете. Меня заворожили его образ, его песни. И всегда хотелось поделиться своей любовью к этому артисту, его необъяснимой, очень изысканной утонченностью. Чтобы передать эти тончайшие чувства, всю палитру и оттенки жизни, понадобилась огромная работа – у нас получился коллективный Вертинский, он здесь распределяется на всех персонажей», – говорит автор инсценировки и режиссер-постановщик *Дмитрий Касимов*.

Спектакль-портрет – не моноспектакль. Девять актеров играют и самого Вертинского в разном возрасте (*Евгений Толстов* и *Иван Филоненко*), и его окружение. И – время. Судьба артиста вместила главные коллизии первой половины XX века, среди которых – литературно-сценические изыски модер-

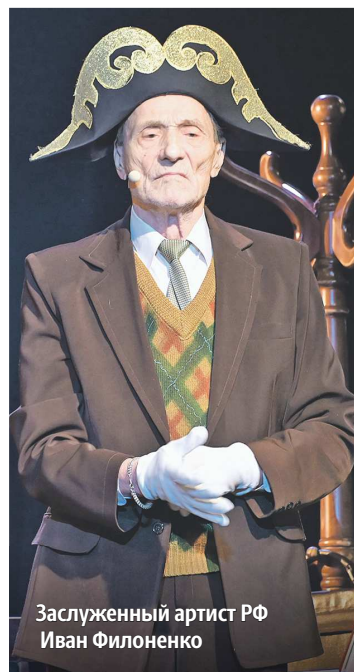
Звучит «Дорогой длинною» – песня, давшая название мемуарам Вертинского, на основе которых и построен спектакль

Воспитанник Детской студии театра Демьян Шурмин

Заслуженный артист РФ Евгений Толстов

Заслуженный артист РФ Иван Филоненко

Спектакль-портрет соединил разные возрасты Вертинского – от детского до серебряного

на, Первая мировая война, революция, эмиграция, Вторая мировая и разрешение вернуться «опальному кумиру» с чужбины, почти три тысячи концертов на вновь обретенной родине, любовь зрителей, но – полный игнор со стороны власти и прессы. Словно выдающегося певца и не существует. В спектакль вошли все эти события, почерпнутые из мемуаров Александра Вертинского «Дорогой длинною» и *Лидии Вертинской* «Синяя птица любви». Актеры театра, перемещаясь за главным героем не только по российским весям, но и в Румынию, Польшу, Германию, Францию, Китай, легко перевоплощаются то в исторических персонажей вроде *принца Уэльского* или *Марлен Дитрих*, то в персонажей без имен собственных, но равно важных в судьбе Вертинского. Дополняющих эту судьбу. Играющих это время. ТО время. И стоит отдать должное лицедейству актеров, мгновенно перевоплоща-

ющихся в разных «персонажей из окружения», потому что даже во второстепенных ролях есть и характер, и судьба. И опять же – Время.

Но что говорить, в решающей степени спектакль-портрет зависит от главного героя, точнее – от исполнителя. Даже те, кто не досконально знает творчество Александра Вертинского, кто слышал только пару-тройку его песен, запоминают его изысканную манеру. Ничего похожего на нашей эстраде (может, и не только на нашей) не было. Даже кинематограф эксплуатировал характерную внешность и речь Вертинского. Ярчайший пример – роль Князя в фильме «Анна на шее». А поскольку в спектакле звучат не пара-тройка песен, здесь вся судьба артиста построена на его песенных новеллах, то, как же непросто был актерский выбор. Евгений Толстов, с его узнаваемой «частицей черта» в ролях Чичикова («Мертвые души»),

Бабса («Тетка Чарли»), Перчика («Скрипач на крыше»), оказался точным попаданием. Не внешним. Нутряным. Песенным.

Откуда она, эта маска Пьеро?

Наверное, гласирование, ставшее фирменным у Вертинского, может симитировать любой актер-профи. Но Евгению Толстову удается передать «в комплексе» эту характерную манеру исполнения – изысканный «говоряще-поющий» речитатив на стыке поэзии, музыки, театра. В полупешоте-полуговоре-полунапеве, когда бережно акцентируется каждое слово, слышны минор и каприз, надрызг и тонкая ирония. А всё вместе вкупе со скупой, но выразительной пластикой – тот самый, «от Вертинского», утонченный декадентский тон и аристократический шарм. И он логично подхватывается в образе Вертин-

ского-старшего (естественной и очень тут органичной манерой бытования на сцене актера Ивана Филоненко).

Талантливо схваченный «стиль Вертинского» компенсирует то, что, к сожалению, потерялось за скороговоркой судьбы. Спектакль начинается в примерной Ленинградского дома ветеранов сцены, за несколько минут до последнего концерта Вертинского – и он вспоминает. Но в камерную, для малой сцены постановку создатели пытаются вместить все перипетии жизни артиста – от детского возраста до серебряного. Слишком много. Скороговорка неизбежна. И хотя песни, на которых и строится спектакль, выразительно обозначают вехи судьбы, упущена этимология самого образа Пьеро, ставшего фирменным для артиста. Откуда это? Почему? А вместе с тем недосказывается что-то существенное и в личности артиста, его уникальном эго. Впрочем, кто знал – тот понимает. Кто не знал – хотя бы познакомится.

А возвращение из забвения, тумана десятилетий образа единственного в своем роде артиста – все-таки Поступок театра, благородный творческий риск. И соглашаешься с репликой режиссера относительно «коллективного Вертинского». Портрет артиста-уникала, в самом деле, дополняется и окружением (от эпатажных приятелей-кокаинов до медсестер на фронте и разноязычных представителей власти), и визуальным образом эпохи (художник по костюмам *Наталья Соломеина*), и пластикой эпохи декаданса (хореограф *Евгения Турушкина*), и конечно же – музыкой. Автором вокальных аранжировок выступила *Мария Виненкова*, а весь спектакль рядом с артистами – джазовый ансамбль *Платона Газелериди*. И уже не первый раз видишь, каким артистичным, чутким партнером для тех, кто на сцене, становится этот ансамбль. Ну, а тут он – неотъемлемая часть образа, ведь в разные годы, в разных странах и обстоятельствах Вертинский и выступал с таким чутким камерным сопровождением.

Конечно, на спектакль надо идти, зная хотя бы имя Вертинского. Судя по аншлагам всех осенних представлений «Вертинского», у артиста на Урале – немало почитателей. Предполагаю: их число приумножится. Даже при упомянутой недоговоренности театр сумел сказать о нем многое – с иронией, попадающими в сердца свердловчан словами большого артиста о «лучшей в стране свердловской опере и музкомедии» (да-да, артист трижды выступал в уральской столице!). С уважением к таланту и щемящими актуальными отсылками великой песни Вертинского «То, что я должен сказать»...

ФОТО: БОРИС ЯРКОВ